

М. Г. ВОСКОВОЙНИКОВ

ОБ ЭВЕНКИЙСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНЕ

*(По материалам, собранным автором во время его работы
у эвенков Баунтовского района Бурят-Монгольской АССР
в 1930—1935 гг. и во время экспедиции в 1946—1947 гг.)*

Песни народов советского Крайнего Севера, в частности эвенкийские песни, до сих пор мало изучены. В 1910 г. Л. Я. Штернберг впервые записал с помощью фонографа несколько эвенкийских песен. Начиная с этого времени значительное число фонографических записей эвенкийских песен было сделано дореволюционными русскими этнографами (И. М. Суслов и др.). Записи эти остались неопубликованными. После Великой Октябрьской социалистической революции фонографические записи эвенкийских песен были сделаны: в 1927—1928 гг. Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд от студентов Института народов Севера, в 1930 г. — в полевых условиях Н. М. Кавериным, в 1937—1939 гг. — С. Д. Магид также от студентов Института народов Севера¹. Часть этих записей (семь эвенкийских напевов) опубликована в приложении к статье З. Эвальда, И. Косованова и С. Абаянцева «Музыка и музыкальные инструменты народностей Сибири» (Сибирская советская энциклопедия, т. III); в этой статье дана вместе с тем краткая характеристика напевов эвенкийских песен, отмечающая их мелодическое богатство: «Тунгусские певцы славятся как мастера песни. И действительно, по сравнению с соседними народностями... тунгусские песни поражают прежде всего развитым звукорядом, ритмикой и кристаллизированным напевом». В 1928 г. ряд фонографических записей эвенкийских песен был сделан в полевых условиях В. Стешенко-Куфтиной; пять записанных ею напевов опубликованы в приложении к ее статье: «Элементы музыкальной культуры у палеоазиатов и тунгусов» («Этнография», 1930, № 3), в которой также дана характеристика эвенкийских напевов. В 1938 г. в сборнике Е. В. Гиппиуса «Народные песни о Ленине и Сталине» опубликована музыкальная запись эвенкийской песни о Сталине.

В послереволюционное время большое число словесных текстов эвенкийских народных песен (старинных и современных) записано советским тунгусоведом Г. М. Василевич. В середине 30-х гг. Г. М. Василевич сосредоточила свое внимание преимущественно на эвенкийских песнях-импровизациях и несколько недооценивала бытующие среди эвенков песни с устойчивым текстом. Она писала: «Песен с определенным,

¹ Все упомянутые дореволюционные и послереволюционные фонографические записи эвенкийских песен хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы Академии Наук СССР (по данным на 1936 г. — 124 фонографические записи). См. С. Д. Магид, Список собраний фонограмм архива ИАЭА Академии Наук СССР, сб. «Советский фольклор», № 4—5, Л., 1936, стр. 415—428.

вполне устоявшимся текстом у эвенков нет»². Однако на бытование песен с устойчивым текстом указывал еще в конце XIX в. Гут, а затем в годы советской власти — Титов, Стешенко-Куфтина, Малых и др.

Находившийся среди эвенков Северо-Байкальского района Бурят-Монгольской АССР тунгусовед Титов собрал значительный материал из песенного репертуара, часть которого была опубликована в сборнике материалов по эвенкийскому фольклору Г. М. Василевич. Остановившись на характеристике отдельных певцов-исполнителей, Титов писал: «Песни свои Аеулев знает точно, повторяя текст слово за слово. Повторяя свои песни, Букидаев в редких случаях сбивался на новую версию, стоило ему подсказать слово, он отсчитывал метры длинного лирического излияния в совершенном согласии с первоначальной редакцией»³. В более поздних своих работах Г. М. Василевич также признала существование у эвенков песен с устойчивым текстом⁴.

Отдельные исследовательские статьи по эвенкийской песне, кроме кратких замечаний Гута⁵, Широкогоровой⁶, В. Стешенко-Куфтиной⁷, З. Эвальда⁸ и А. Малых⁹, до сих пор не были опубликованы.

* * *

В 1946—1947 гг. мы записали ряд народных песен у эвенков Баунтовского района Бурят-Монгольской АССР, именовавшихся в дореволюционной литературе баунтовскими или баргузинскими «ороченами». Эти песни подразделялись исполнителями на три вида: давлавун, эгэвун, икэвун.

Д а в л а в у н — песни на определенные мелодии с устоявшимся текстом, а также песни-импровизации.

Э г э в у н — различные припевы в улгур-героическом эпосе, нимнга-кан-сказке и импровизации, часто непонятные современному поколению.

И к э в у н — песня-пляска.

Эвенкийские песни исполняются обычно либо в сольной манере, либо при совместном пении, в унисон, с небольшими отклонениями от него. Песни видов давлавун и икэвун поются, по нашим наблюдениям, всегда без инструментального сопровождения; песни икэвун исполняются иногда с сопровождением национального музыкального инструмента **корда в у н** (вид губного варгана). Кроме кордавуна, единственный национальный музыкальный инструмент эвенков — бубен. В последние годы многие эвенки стали играть на великорусских (струнных) народных инструментах.

В настоящем очерке мы даем описание песен вида икэвун и некоторых разновидностей давлавун (ограничиваем себя старинными колыбельными и свадебными и современными народными песнями). Лирических давлавун («весенних», «песен сиротинки» и др.) мы не касаемся, не касаемся также песен вида эгэвун.

² Г. М. Василевич, Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, Л., 1936, стр. 7.

³ Там же, стр. 163.

⁴ Г. М. Василевич, С. Д. Магид, Новая эвенкийская песня, «Советский фольклор», 1941, № 7.

⁵ «Die tungusische Volksliteratur und ihre ethnologische Ausbeute», Изв. Академии Наук, т. XIV, СПб., 1901.

⁶ Е. Н. Широкогорова, Volksmusik in China, «The China Journal of science and arts», Schang-hai, 1924 (по сборнику Г. М. Василевич).

⁷ В. Стешенко-Куфтина, Элементы музыкальной культуры у палеоазиатов и тунгусов, Этнография под ред. Богораза-Тана и др., М.—Л., 1930.

⁸ З. Эвальд, В. Косованов и С. Абаянцев, Музыка и музыкальные инструменты народностей Сибири, «Сибирская советская энциклопедия», т. III.

⁹ А. П. Малых, Несколько слов об ороченах и их фольклоре, сб. «Изучайте родной край», Зап. РГО, Чита-Владивосток, 1924.

I. ИКЭВУН — КРУГОВЫЕ ПЛЯСКИ ¹⁰

В круг встают иногда одни мужчины, иногда одни женщины, иногда и те и другие. Иногда в круг становятся только пожилые или молодые, иногда люди всех возрастов или только дети. Участники располагаются разнообразно, например: половина круга — мужчины, вторая половина — женщины или молодые, отделившиеся от пожилых; принимавшие гости выделяются.

Чаще всего икэвун исполняется 20—40 минут, затем устраивается перерыв; случается, однако, что икэвун, начинаясь с вечера, продолжается до утра. В весеннее время икэвун особенно часто исполняется несколько вечеров подряд; тогда его называют протяжно «икэвун» или «икэкэвун». На стойбище съезжаются представители многих родов или полностью все население родов; в таких случаях стойбище вырастает до 30—40 палаток и 30—40 юрт.

Перед началом «икэвун» кто-нибудь из более почтенных людей произносит: «Кэ, икэлгэр!» (А ну, играть!). Исполнители быстро становятся в круг, который постепенно пополняется новыми участниками.

Икэвун в одних случаях выражает грусть и горе людей (и сопровождается тогда грустными протяжными заунывными песнями), в других — радость и счастье (сопровождается тогда светлыми, радостными песнями, причем темп икэвуна ускоряется, движения участников становятся энергичными, пляска почти экстатической). В икэвуне эвенков ярко и сильно выражаются мысли и чувства людей. Во время исполнения икэвуна участники горько плачут или же радостно улыбаются. Различный характер исполнения икэвуна, по нашим наблюдениям, был вызван следующими поводами. В медленном темпе в сопровождении заунывных, протяжных песенных напевов икэвун исполнялся в случаях:

- а) смерти кого-нибудь из людей данного рода;
- б) несчастного случая с охотником (случайно задрал медведь);
- в) нападения стаи волков и похищения ими большого стада оленей;
- г) эпидемии в оленьем стаде;
- д) плохого промысла на пушных и копытных зверей и т. д.

Икэвун в быстром (ускоренном) темпе, сопровождаемый радостными напевами, имеющими оттенок призыва, исполнялся:

- а) во время удачной охоты;
- б) в день посвящения юноши в самостоятельного мужчину;
- в) в день рождения ребенка;
- г) в день переезда на новое стойбище.

Перед тем как приступить непосредственно к пляске, все участники повторяют слово «кэ!» (ну!). Слова песен, сопровождающих икэвун, не имеют смыслового значения, но они традиционны, их знают все; заново они не придумываются. Каждая мелодия может быть исполняема различно, в разных темпах икэвуна, в зависимости от обстановки и настроения участников. На одну и ту же мелодию могут исполняться различные строфические цепочки слов, не имеющих смыслового значения, но всем хорошо известные.

Мелодии при замедленном темпе икэвуна:

- а) о-со-ро, о-со-рой!
- б) де-лень-де-лень, до-вай-ду-а;
- в) эгэ-ге-лэ-ей, эгэ-ге-лэ-ей;
- г) о-чо-ра!

Мелодии при ускоренном темпе икэвуна:

- а) га-со-гор! га-со-гор!

¹⁰ Круговую пляску — икэвун мы наблюдали, участвуя в кочевке эвенков (во время последней экспедиции). Чтобы вникнуть во все детали, во все тонкости исполнения икэвуна, мы изучали его практическим путем, принимая непосредственное участие в исполнении икэвуна.

б) гай-хон-оhe-гай-хон-оhe-гай!

в) делики-энь, де-лэ-энь!

Всего нами зарегистрировано до пятидесяти различных мелодий, сопровождающих икэвун; по всей вероятности, их больше.

Запевала в икэвуне называется «икэлэном». Икэлэн должен обладать хорошим голосом и слухом. По существующей традиции исполнение мелодий икэлэнами строго дифференцировано. Так, например, мелодию: «ю-со-рой, о-со-рой!» могли петь лишь икэлэны — пожилые мужчины и женщины; мелодию: «эге-ге-лэ-ей, эге-ге-лэ-эй!» — пожилые женщины; мелодии: «делики-энь, де-ле-энь!» и «до-вэр-до-тын, до-вэр-ду!» исполнялись лишь икэлэнами — юношами и девушками.

В последние годы эта дифференциация не всегда соблюдается.

«Икэвун» широко популярен среди русского населения Баунта. Во время летнего национального праздника в районном центре «икэвун» продолжается в течение двух-трех-четырёх вечеров, и в его исполнении принимают участие вместе с эвенками сотни русских молодых людей.

II. ДАВЛАВУН

1. Колыбельные песни

Гут, наблюдавший исполнение эвенкийских колыбельных песен в 1897 г., говорил о холодном и неласковом обращении матери к новорожденному ребенку в третьем лице (вместо нежного на «ты»). «Не исключена возможность, — пишет Гут, — что употребление третьего лица (так же, как и у нас в таких случаях) имеет целью придать обращению матери дразняще-шуточный характер». Но дело совсем не в этом. Обращение матери к своему ребенку в третьем лице обусловлено суеверием: нельзя называть имя новорожденного ребенка. Пережитки магии в колыбельной песне эвенков сохранились до последних дней.

В колыбельных песнях, где мать обращается к своему ребенку уже во втором лице, она все же не называет его имени:

Миннги утэв, аскал,
Эсакарви нимдыниксэ,
Миннги утэв, аскал,
Ая бэе бидедингэс.

Дитя мое, спи,
Зажмутив глазки,
Дитя мое, спи,
Хороший будешь человек.

Аналогичный эвенкийский текст был записан 25 лет назад Титовым в другом районе:

Мой сын заснет, глаза свои зашуруив.

В некоторых колыбельных песнях мать вначале поет о ребенке в третьем лице, затем ласково обращается к нему на «ты», а в конце снова говорит о нем в третьем лице.

Нунган горово-вол
Минэ сэксэливкэнчэн
Горово нунганман алатчав
Бэе бидедингэс,
Мэкчэкэнэ вадингас
Лулудэлэви, тунинилдэлэви,
Гиркудякинин оннган.

Долго-то он .
Заставлял меня сильно печалиться,
Долго его ждала.
Мужчина [взрослый] будешь,
Кабарожку убьешь.
До глубокой старости своей,
До опирания коленями своими,
Путь чтобы его был.

По сообщению Н. Т. Лоргактовой (52-летней колхозницы), называть имя ребенка в колыбельных песнях в старину считалось грехом.

Наталья Тимофеевна помнит песню, исполнявшуюся лет 50 назад ее матерью. Перед тем как ее исполнять, Лоргактоева тщательно проверила запор в дверях, внимательно посмотрела в окна и минут пять о чем-то думала. Потом, чуть всхлипывая, запела:

Горово-вол эчэн эмэрэ
Горово сэксэливкэнчэн,
Алатми-нун алатми,
Нюриктэлви кимэргэдэлэтын.

Долго же не приходил он,
Долго он заставлял печалиться,
Ждала-то, ждала,
Пока волосы не поседели.

Колыбельные песни могут быть условно разделены на две группы: 1) песни с устоявшимися припевами («Бай-бой, бай-бой!» или «Бой-бай, бай-бой!»), исполняемые всеми членами семьи, кроме отца ребенка; 2) песни, исполняемые только матерью ребенка. Первые поются главным образом при убаюкивании младенца в люльке, вторые — в любое время, но в отсутствие чужих людей и отца ребенка (если в момент исполнения песни матерью войдет кто-либо из чужих людей или отец ребенка, то песня немедленно прерывается). Вторая группа может быть названа «материнскими песнями». Во многих колыбельных песнях слова устойчивы, например, часто встречаются слова несомненно древнего происхождения:

Бай, бой эгдылдингэс,
Бой, бай нюрикти
Мэкчэкэнэ вадингас.

Бай, бой ты вырастешь,
Бай, бой стрелой своей
Кабарожечку убьешь.

Все эвенкийские колыбельные песни проникнуты лаской к ребенку; для них типичны ласкательные суффиксы сравнений:

а) Вместо «эмкэдуви аскал» (в своей люльке спи) — «эмкэдуви асчикал».

б) Миниги утэв аскал,
Эсакарви нимдыниксэ.
в) Нунгай уликуткэн.

Дитя мое, спи,
Зажмуришь глазки.
Он очень маленький.
(малютка).

Слова припева «бай, бой, бой, бай» произносятся очень протяжно, чуть слышно, с особой нежностью.

2. Свадебные песни

Свадебные песни могут быть разделены на две группы. Песни первой группы непосредственно связаны со свадебными обрядами, они исполняются только определенными лицами, например отцом невесты, отцом жениха. Песни второй группы исполняются не только во время свадебного обряда, но и в любое время, по инициативе давлалана, народного певца-исполнителя. Давлалан нередко импровизирует, добавляя и изменяя содержание песен с уже устоявшимся текстом.

Записанные нами эвенкийские свадебные песни, бытовавшие до настоящего времени.

а) Песня просватанной девушки своим подружкам

Эгэдингэв, эгэдингэв,
Энтынгилви, амтынгилви
Минэвэ, минэвэ усэгэндэчэтын
Гирипуланнгэчир.

Буду петь, буду петь,
Мои родители
Меня, меня бросили,
Как лоскуток.

Девушку отдают в чужой дом, в «чужие люди». Ее родные получили за нее калым. Она продана. Перед уходом навеки в чужой род

невеста рассказывает подружкам о своем горе, как бы изливая обиду а родителей, бросивших ее, «как лоскуток». Дальше она поет:

Эдук-кэй, тадук-кэй,
Чопкокордук этэкуденгнэм,
Эре-вэл бидэдукви
Дылача-эки дёникса,
Улапкун инистувуи
Гирасилдямкия

Оттуда, отсюда
С кочек прыгаю,
От такой жизни,
Вспоминая сестру-солнце,
В сырой своей жизни
Буду шагать.

Тяжкая доля в чужой семье отражается в песне символически (прыжки по кочкам):

Эдук-кэй, тадук-кэй,
Чапкокордук этэкуденгнэм

Оттуда, отсюда
С кочек прыгаю,

Девушка оплакивает будущую «сырую свою жизнь» («улапкун инистувуи») и говорит своим верным подружкам, что, когда ей будет тяжело, она обратится к «дылолча-эки» («солнцу-сестре»). Это отголосок эвенкийского предания о солнце — покровителе сирот (существуют эвенкийские сказки о покровительстве солнца детям-сиротам).

б) Песня матери невесты

После просватания невесты родственники готовились к передаче ее в чужой род. В юрту матери собирались женщины и помогали справлять для невесты приданое — шить одежду, обувь, материал для юрты или палатки. Перед началом коллективной работы в юрте оставались только пожилые женщины. Тогда мать невесты, часто всхлипывая начинала петь песню, как бы обращаясь к присутствующим:

Унатви булделим, утэви
Мэннги балдынави,
Эла-ка эдян бирэн?
Дагал-гу тэгэлдулэ?

Дочь свою отдам, дитя свое,
Свое родное.
Что с ней может быть?
К близким ли родам (она уходит)?

Песня прерывалась плачем, плач переходил в рыдание, певица обращалась с вопросом к присутствующим:

Он-нган кэми ичэтчэлдерэ?
Элдула-нган, гнилдуланган
Усэнгэндэделиркэв...

Как же посмотрят [другие]?
Кому же, кому же
Бросила я...

Песня заканчивалась утешением, что все думы матери о дочери-невесте:

Амидуви гиркуми-вал,
Эрэгэн-нун дёнчакагда.

Во сне хожу ли,
Только об этом и вспоминаю.

в) Песня невесты, исполнявшаяся перед отъездом к жениху

Жених гостил у тестя несколько дней или недель ¹¹. После связанных с этим обрядов невесту сажали спиной к голове оленя, и кто-либо из близких ее подруг вел за поводок ее ездового оленя 20—30 метров. Делалось это для того, чтобы невеста в последний раз посмотрела на свое стойбище, на своих родных. Перед отъездом невесты, когда сборы

¹¹ Иногда жених из бедной семьи, не имевший средств для калыма, должен был отработывать за невесту в хозяйстве тестя от трех месяцев до одного года. См. об этом подробно в работе А. Ф. Анисимова «Родовое общество эвенков», Л., 1936, изд. Института народов Севера.

уже полностью закончены, девушки стойбища уходили далеко от юрт и пели хоровую песню; невеста пела отдельно.

Хор запекает:

Эгэми-нун эгэлигэр,
Чувасиял ултадутын,
Эгэми-нун эгэдигэт,
Энггия-вал тумнаденэл

Будем петь да петь,
Чтобы эхом в сопках раздавалось
Будем петь да петь,
Не опираясь локтями (в хороводе)

Невеста повторяла всю песню одна, заканчивая ее следующими словами:

Илэ-кэ эя-ка одялми?
Инггия, нгинггия эсандям?
Энггив-гу, нинггив-гу айдялдя?

Куда мне итти и что мне дела?
Ничто, никто, меня не спасет.
На что и на кого я взгляну
[оглянуся]

г) Песня жениха, исполнявшаяся во время приезда в его стойбище родственников невесты

После того как жених получал согласие родителей невесты на брак, кто-либо из ее родственников ехал «ирэмэми» (гостить) в семью будущего зятя. Отец жениха устраивал пир. Во время пира жених, а иногда кто-либо из его братьев, пел песню, в которой говорилось о превосходстве жениха над невестой. Нами записано несколько вариантов этой песни, мелодия ее всегда одна и та же, многие строфы текста устойчивы¹²:

Илан аси гунингкитын:
Минэ гакал,
Минэ гакал,
Иливасун гадылдингав.

Три женщины говорили:
Меня возьми,
Меня возьми.
Из вас третью возьму¹³.

Смысловая связь последующих слов с началом песни нами пока не выяснена. Имеем в виду следующие стихи:

Тридцати налимов
Печенью оседлаю,
Из кишек подпругу сделаю.

В другом варианте поется так:

Тридцати налимов
Из кожи
Покрышки делаю,
Ремни делаю.

В записях Титова:

Тридцати налимов
[Из] икры
Торсуки делаю,
[Из] плавников
Узды [делаю],
[Из] болоней
Подпругу...

¹² Титов записал почти адекватные варианты этой песни у северобайкальских эвенков (Г. М. Василевич, упомянутый сборник, стр. 189—190).

¹³ Записано от Аксины Ивановны Аполлоновой, 56 лет, сообщившей, что она слышала эту песню еще в раннем детстве.

Эвенки объясняли значение этих стихов, имеющих большую популярность, всегда одинаково: «кэнэтчэрэн» (хвалится). По всей вероятности, жених или кто-либо из его родных пел эти слова для восхваления (величания) рода жениха.

д) Песня отца жениха

После приезда молодых в отцовскую юрту отец выделял сыну соответствующий пай из своего хозяйства. Перед выделением сына организовывалась прощальная трапеза, где давлалан или кто-нибудь из присутствующих импровизировал песни, воспевающие новобрачных. Нередко песню исполнял отец жениха, обращаясь к сыну. В одной из таких песен отец рассказывает сыну о жизни в прежние, далекие времена у чужеродцев-эвенков:

Энгкитын дылачая-вл ичэрэ.	Солнце они не видели,
Дюмигэлэ депчэнэл, биденгкитын.	Только можжевельником питаюсь,
Митгэчинчиги орочэр бинэл,	жили.
Килтырээ дептэвэр эвкил сарэ	Как мы же люди были,
бичэтын.	Как мы же были орочены,
Диктэлэ дюмигэлду соликсал,	Они жили, не зная хлеба,
депчэл.	Ягоды с можжевельником смешивая,
	ели.

Далее песня повествует, как однажды слепой старец попросил у своих сыновей покурить; сыновья вместо табака положили в кисет порох. Этот эпизод песни имеет следующий смысл: рисуя в мрачных тонах жизнь эвенков-оленьеводов, отец жениха описывает несчастье старика в дни его глубокой старости и как бы спрашивает сына, каково будет его отношение к родителям после выделения из семьи.

Обычно, после того как отец оканчивает песню, сын поет в ответ песню-импровизацию.

е) Песня отца невесты

Невеста и ее мать относились к свадьбе как к горю, после свадьбы молодая превращалась в работницу своего мужа. Песни невесты и ее матери были поэтому проникнуты скорбью. Иной характер имеют песни отца невесты. Для него свадьба была прежде всего выгодной хозяйственной сделкой, связанной с получением большого калыма.

Перед исполнением песни отец невесты сообщал, что он будет петь голосом зятя. Этим он показывал, что род невесты с почтительностью относится к сородичам жениха. Затем отец невесты сообщал, что песня исполняется им как знак уважения его семьи к жениху (зятю).

Кавкадукви давландикса,	Из глубины горла начинаю петь
Гиргиласмэ дылгандиви,	Своим побрякивающим голосом,
Гиргиткитчам уламаят	Побрякиваю красным.
Конгактэмэ мевандиви.	Своим звенящим сердцем.

Дальше подчеркивается, что сочетание молодых произошло по желанию духа гор:

Тангаракан аявдяран	Дух гор ¹⁴ любит,
Эдукэкэн, дюядувун,	Вот здесь, в нашей юрте,
Тэгэчинчэдэтын дялавсакар	Чтобы сидели
	Молодые [новобрачные].

¹⁴ В записях Титова вместо слов «дух гор» — «бог». Словами: «дух гор» (или бог) отец невесты обращает внимание на ответственность бракосочетания как для жениха, так и для невесты, поскольку брак их состоялся по воле «духа гор» или «бога».

Отец выдавал свою дочь замуж, не спрашивая ее согласия. Тем не менее публичный отказ невесты от жениха считался большим позором для ее семьи¹⁵. Поэтому отец невесты должен был во время свадебного обряда внешне проявлять радость:

Калардуквар депилдегэр!

Из своих чаш [котлов] начнем
есть!

Туги эгэдем, эгэдем, эгэдингэв!

Так пою, пою, буду петь!

Песен, отражающих отношение родителей к невесте или к девушке, «сбившейся с истинного пути», мы не встретили. Но такие факты известны. В единичных случаях девушка, отданная в другой род, по различным причинам покидала мужа и приходила в отчий дом. В таких случаях отец и старшие братья, опасаясь требования о возврате калыма, высказывали негодование по поводу проступка невесты. Магь и сестры, напротив, оплакивали судьбу девушки. Отец нередко не принимал дочь в свою юрту, она уходила в услужение к кому-нибудь из братьев отца, т. е. к своим дядям. В этом случае отец мог быть спокойным, что жених не потребует от него возвращения калыма. Если девушка до замужества нарушала традицию и уходила на сторону, в другой род, самостоятельно к жениху, ее отец или старшие братья проявляли еще большее негодование. Это считалось большим позором. Семья невесты должна была пережить моральное унижение в своем роду за потерянную честь девушки, а старейший рода усматривал в проступке жениха кровное преступление перед родом невесты. По рассказам Н. Т. Лоргактовой, за такое преступление в старину девушка проклиналась всем родом, а ее родственники убивали жениха стрелой. На это же указывает Георги, описывая обычаи байкальских тунгусов. «Если дурной человек соблазнил девушку хороших родителей, то братья и родственники последней пронизывают его стрелой»¹⁶.

Гут записал песню у енисейских эвенков, где ярко отражен этот обычай (варианты этой песни у эвенков Баунта нами не записаны; записи Гута пополняют этот пробел):

Отец бранит сбившуюся с пути девушку:

Иди, я отрекаюсь от тебя [иди отталкиваю],
Ничего не получу я [как выкуп за тебя],
Когда ты выйдешь замуж [когда встретишься],
Так как [когда] ты сама себя отдала,
Никогда не показывайся мне на глаза,
Отсюда [из моего дома] я тебя выгоню [отталкиваю].
Не приходи больше ко мне [теперь ты не показывайся мне].
Поэтому уходи прочь сейчас¹⁷.

3. Современные советские народные песни

Изменилась сибирская тайга. Настало новое время для эвенков Баунта. Новые времена — новые песни. Огромную роль в их распространении среди эвенков Баунта сыграли студенты Института народов Севера.

Произведения национальных молодых поэтов доходили до широких слоев народа в специально изданных сборниках эвенкийской поэзии и в учебниках по родному языку для начальной школы. Многие из этих произведений широко бытуют в народе, утратив авторство. Иные из них

¹⁵ См. подробно у К. М. Рычкова, «Енисейские тунгусы», М., «Землеведение», 1917, кн. 1—2, 1922, кн. 1—2, 3—4.

¹⁶ И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, СПб., 1779, ч. I, стр. 278.

¹⁷ Г. М. Василевич, Сборник, стр. 238.

подверглись изменениям и записаны нами как варианты. В настоящее время нередко где-нибудь на пушном промысле сидит бригада охотников за правкой беличьих шкурок и слушает песню давлалана, а слова этой песни написаны одним из молодых национальных поэтов: А. Платоновым, Н. Сахаровым, А. Салаткиным. Лишь немногие из певцов знают, что где-то далеко от них живут и создают песни Салаткин, Сахаров. Старики эвенки нередко переделывают эти стихи, добавляя свои слова. Современные песни часто поются эвенками на традиционные национальные мелодии, иногда же на мелодии, усвоенные от русских, бурят и якутов. Эти последние широко распространены среди взрослого населения, среди молодежи и среди детей¹⁸.

Произведения молодых поэтов-эвенков стоят на грани литературной поэзии и народного творчества; своими корнями они уходят в национальный фольклор, отражая мысли и чаяния своего народа. Многие песни складываются на месте, в тайге, известными в роду давлаланами. Исполняются они в своей семье, в колхозе, на суглане, в районном центре.

Новую, свежую струю в современное народное песнетворчество влили эвенки, участвовавшие в 1940 г. в Декаде бурят-монгольского искусства в Москве. Новые песни принесли также воины-эвенки, возвратившиеся после победы над врагами к себе на родину.

Великий Октябрь внес коренные изменения в сознание населения северных окраин. В годы установления советской власти на Севере народ проявлял огромный интерес ко всему новому, пришедшему на Север вместе с первыми национальными Советами. Посланники большевистской партии знали, что «как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*»¹⁹.

Раскрепощенные люди в сибирской тайге, как полноправные граждане единой семьи советских народов, стали складывать новые поэтические произведения, величающие от глубины человеческой души новую жизнь, совсем не похожую на старую, и прежде всего тех, кто построил эту новую жизнь.

Первое слово благодарности и любви народ выражает освободителям от вековых мук и страданий, тем, кто «принес в тайгу и тундру новый закон счастья», самым дорогим для всего человечества — Ленину и Сталину.

«Морально-политическое единство народа в нашей стране имеет свое живое воплощение. У нас есть имя, которое стало символом побед социализма. Это имя вместе с тем стало символом морального и политического единства советского народа. Вы знаете, что это имя — Сталин»²⁰.

Искренняя любовь к великому творцу новой Конституции, отцу и близкому другу народа, звучит в песнях эвенков:

Дылачадук нгэритмэр
Дяличикун Сталин.
Ленинниги алагувдярин
Аяткумама Сталин

Светлее солнца
Гений Сталин.
Ученик Ленина
Лучший Сталин.

Эвенки организованы в колхозы. С помощью государства они построили себе деревянные дома. Тепло и светло их детям в просторных

¹⁸ Особенно много новых, современных песен на русские мелодии слагают эвенки — студенты Отделения народов Крайнего Севера Ленинградского педагогического института им. Герцена. Самыми излюбленными являются мелодии песен «По долинам я по взгорьям», «Тонкая рябина», «Полюшко-поле».

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 60.

²⁰ Доклад т. Молотова 6 ноября 1937 г., «Правда» от 10. XI. 1937.

школах. Новое поколение лишь по рассказам старших узнает о беспроектном прошлом своего народа. В песне, поющей во всех национальных Советах, звучат слова:

Нонон мунэ бэюрди
Купецил тангингкитын.
Баясал мундук кэтэе
Гангкитын.
Тыкин мунду гирки Сталин
Октоё нгэригдерэн.
Сэвдепчувэ биниевэ
Нунган мунду бурэн.

Раньше нас за зверей
Купцы считали.
Много податей богачи
От нас брали.
Теперь товарищ Сталин
Нам дорогу освещает.
Это он счастливую
Жизнь нам дал.

Глубокий старик Павел Ильич Наиканчин поет мелодию старинной песни:

Ого-го-ло-ой,

Ого-го-ло-ой

и обращается с искренним чувством приветствия к вождю. Поет он свою песню перед выборами в Верховный Совет РСФСР и, выражая волю земляков-колхозников, просит Сталина приехать и полюбоваться на новую колхозную жизнь в тайге:

Нгэримэмэ-эй, алтамама-эй,
Амиканмун, эмэдэви-эй,
Агияла-эй амакандэ-эй.
Умунупкит-эй, синэвэе-эй.
Алатчавки-эй сокакунди.
Орочэрти-эй, эвэнкилты-эй
Синэвэе-эй алатчавкил.

Светлейший, золотой,
Отец наш, приезжай
Поскорей в тайгу,
Колхоз тебя
Очень уж ожидает,
Наши орочены, наши эвенки
Тебя уж ожидают.

Творцы народной поэзии ищут в сокровищнице своего языка сравнения для образа Сталина:

Дёлоёдук мангатмар,
Аяврингит Сталин.
Урэелдук гугдатмар,
Урувсипчу Сталин.
Нянганядук гугдатмар
Дяличикун Сталин.
Дылачадук нгэритмэр
Дяличикун Сталин.

Крепче, чем камень,
Любимый наш Сталин.
Выше гор
Радостный Сталин.
Выше, чем небо,
Умнейший Сталин.
Светлее солнца
Умнейший Сталин²¹.

В народной поэзии Сталин неотделим от Ленина. Их называют «двумя соколами», «двумя орлами», «двумя богатырями», «двумя братьями», «двумя солнцами».

Аксинья Ивановна Аполлонова, прожившая 56 лет, поет свою песню о Ленине и Сталине. Она их называет «солнцем».

Ленин-солнце
Нашу жизнь освещает.
Сталин-солнце
Детей наших ведет.

²¹ Эти два куплета взяты из известной песни А. Платонова «Эвэнки давлавурия», Л., ГИХЛ, 1938, но текст переработан сказителями.

Интересно отметить, что это характерно для поэзии и фольклора всех народов Крайнего Севера. Вот отрывок из саамской песни:

Спасибо тебе, сын мудрого Ленина — Сталин,
За заботы
О кольских саамах,
Большое спасибо тебе
За школу,
За книги,
Большое спасибо,
За красивую жизнь лопарей...²²

Ленин и Сталин неотделимы от народа так же, как и народ неотделим от своих вождей:

Урэкэндут — Ленин,
Биралдут — Ленин.
Агиядут — Сталин,
Орочернун — Сталин.

На сопке нашей — Ленин,
На реках наших — Ленин.
В тайге нашей — Сталин,
С ороченами — Сталин.

Многие песни построены на сравнениях старой и новой жизни. Красной нитью подчеркивается тяжкая доля женщины в прошлом. Н. Т. Лоргактоева вспоминает свою старую жизнь:

В старые годы
Даже слова я не знала.
Когда теперь стала жить, в играх, и песнях,
В юности и молодости
Шагаем под руководством
Вождя Сталина.

«Советская республика России,— писал Ленин,— сразу смела *все без изъятия* законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону»²². На районной олимпиаде искусства Лоргактоева пела свою песнь, с горечью вспоминая былые страдания эвенкийской женщины:

Унадитын эла-вэр буми-нун,
Нгэнэтчэкэл, сарэ-вэл эсилэн,
Ичэрэ-вэл энэлэн,
Усэгэденгкитын.

Девушек куда-нибудь когда
выдавали,
Иди, к незнакомому
К невиденному
Отправляли.

Распространена песня о старой и новой жизни женщины эвенкийки:

Ноноптылду тар аннганилду
Экунаткат энгкив сарэ
Дялавдуви, дялавдуви.
Эткэн советнги власть
Очалаң,
Асинги турэнин улталдаң,
Урэлдули, урэлдули

Раньше в те голы
Ничего-то не знала
В своем уме, в своем уме.
Теперь, как советская власть
Настала,
Женское слово раздаваться стало
По горам, по горам.

В песнях эвенков, как и всех трудящихся нашей родины, звучит пафос социалистического созидания. Широко развернуто социалистическое соревнование в колхозах.

²² Сб. «Ленин — Сталин в поэзии народов СССР», ГИХЛ, М., 1939, стр. 268—269.

²³ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 63.

Люди видят в своем труде не только личную заинтересованность, но и общественный долг. Это также отражено в одной из песен Н. Т. Лор-гактовой:

Горные эвенки
Руководством ободряющим,
Встречаясь друг с другом, ходят.
Здесь никому не уступают первенства,
Указания Сталина
Чтобы не потерять.

Канули в вечность старые законы, по которым женщина-эвенкийка считалась рабыней. Теперь мы можем встретить женщину на партийно-комсомольской, советской, хозяйственной руководящей работе. Евдокия Корсакова — депутат Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР, Харитина Салаткина — секретарь РК ВКП(б) в Эвенкийском национальном округе, Ираида Семенова — учительница в школе Читинской области. Десятки девушек-эвенкиек обучаются вместе со своими подругами в Ленинградском и Хабаровском педагогическом институтах. Здесь во время досуга девушки-студентки поют песни на русском языке одного из хантыйских поэтов — Григория Лазарева:

Песня девушки

(с хантыйского)

Пусть качает мой челнок
На речной волне.
Путь далек и путь широк,
И поется мне.

Я пою, пою, как птица,
Над речной волной.
Еду, еду я учиться
В Ленинград родной.

Хорошо учиться буду,
Долго-долго я,
И вернусь уже оттуда
Комсомолкою.

Только что-то бьется сердце:
Не вина моя,
Что люблю тебя я с детства,
Сторона моя!

Молчаливые леса,
Голубой простор
И подружек голоса,
И лесной костер.

Буду часто вспоминать
Я собак своих,
Как учила меня мать
Не бояться их.

Образ матери любимый
Увезу с собой,
Весь мой край необозримый,
Ты всегда со мной!

Так неси меня, река!
Так лети, челнок!
Если песня широка,
Значит путь далек.

Эвенки бережно и заботливо относятся к колхозному добру. Они с любовью вкладывают свою энергию в общее колхозное дело.

В песне Аюра Наиканчина звучат слова:

Эсипты ая гудей итывар
Мэннгит нгалэтвар дявучагат.
Эгды кэвэркэнду
Мури́н авдуван иргигэт!
Гудейкакунду дованду
Орон авдуван иргигэт!

Современную цветущую хорошую
жизнь
Крепко в своих руках будем
держать!
На большой степи
Конское поголовье вырастим!
В цветущих перевалах
Стадо оленей взрастим!

Народные песни эвенков насыщены глубокими идеями советского патриотизма:

Эситкэн бими, эсиптыдувэр
Эдингэтлэ эя-вал-ла давдадыла

Сейчас, в наше время
Ничему мы не поддадимся.

В дни Великой Отечественной войны эвенки, как и все народы нашей родины, встали на защиту своей отчизны. С Сахалина и Амура, с Витима, Лены и Енисея уходили на фронт славные патриоты тайги и тундры. Под Ленинградом стояло «на смерть» подразделение эвенка майора Семена Комбагира, у стен Сталинграда дрался с фашистами капитан Савин, погиб у Днепра смертью храбрых Герой Советского Союза Иннокентий Увачан.

В дни Великой Отечественной войны провожали на фронт многих юношей эвенки Баунта. Старейший и мудрый 92-летний представитель колхоза «10 лет БМ АССР», провожая своего внука Аюра Наиканчина в Советскую Армию, старинной мелодией, по-новому и с новыми словами спел прощальную песню. Дед Иннокентий вдохновлял внука и его товарищей на патриотическую защиту своей родины. Аюр Наиканчин возвратился с победой к родным и запомнил многие отрывки из песни своего деда, умершего в 1943 году.

Среди многих студентов, обучавшихся в Ленинградском институте народов Севера, был замечательный юноша Павел Алексеев. Пламенный патриот молодой поэт Паша Алексеев погиб смертью героя у деревни Кряково Волосовского района Ленинградской области. И теперь хор студентов Отделения народов Севера Ленинградского педагогического института им. Герцена, где обучаются представители 19 северных народностей, исполняет песню поэта-воина на русском языке, сложенную им в грозные дни боев 1941 года.

По улицам и переулкам
Полки за полками идут,
И сердце колотится гулко:
«Клянусь, что враги не пройдут!»
Я тоже стал городу сыном
И тоже шагаю в строю...
Взглянул я на небо синее
И мать припомнил свою.

Припомнил я, как напоследок
Платок развевался ее;
Припомнил я старого деда,
Вручавшего мне ружье.
Припомнил родимые смолоду
Якутию, Лену, тайгу;
Припомнил горячее золото
На солнечном берегу.

Я дымную юрту припомнил,
Где в шкурах ребенком лежал;
Припомнил я здания огромные,
Где вырос и возмужал.

Припомнил я все — и гордо
Свой новенький сжал автомат...
А песня гремела над городом —
«Спокойно спи, Ленинград».

Учился в твоём институте я,
С подругой бродил над Невой,
И, как за родную Якутию,
Иду я сегодня в бой.

Иду за тебя по-сыновьи,
А если погибну в бою,—
Пошлешь ты на Лену, в станowie,
Солдатскую клятву мою:

Клянусь, что мне равно дороги
Якутия и Ленинград;
Клянусь, что узнают враги
Мой новенький автомат...

По улицам и переулкам
Полки за полками идут,
И сердце колотится гулко:
«Клянусь, что враги не пройдут!»²⁴

Особенно за последние годы расцветает национальная по форме и социалистическая по содержанию песенная поэзия у народов советского Крайнего Севера. Это видно и на районных олимпиадах национальной самодеятельности, это видно и на примере творческого коллектива самодеятельности студентов-северян в Ленинграде.

Все народы великого Советского Союза выполняют Сталинские пятилетние планы развития народного хозяйства. Эвенки, как и все народы советского Крайнего Севера, активно участвуют в этом труде и с помощью великого русского народа идут к сияющим вершинам коммунизма.

²⁴ «Мы — люди Севера», Л., 1949, Изд-во «Молодая гвардия», стр. 79.